

Киммерийцы: проблемы исторической и культурной интерпретации

© 1999 г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИММЕРИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ. ИТОГИ ДИСКУССИИ

Вероятно, главная сложность в изучении киммерийской проблемы состоит в разнородности имеющихся в нашем распоряжении источников, одинаково квалифицированный анализ которых редко удается провести в рамках одного исследования. Письменные источники по киммерийской проблеме делятся на две абсолютно несходные группы. Первая из них – это данные античной традиции. Они достаточно многочисленны и разнообразны, однако большинство этих данных известно нам из вторых и третьих рук и сохранилось в сочинениях авторов, живших намного позже реальных контактов греков с киммерийцами. Имевшаяся у античных авторов информация о киммерийцах была весьма скудной, и потому ее недостаток уже с самого раннего времени компенсировался разного рода теориями, рассуждениями и учеными конструкциями. Развитие античной традиции о киммерийцах после их исчезновения с исторической сцены не позже рубежа VII–VI вв. до н.э. происходило не за счет поступления новой информации, а появления новых толкований ограниченного круга уже известных данных. Особенности развития этой традиции требуют весьма осторожного отношения к сообщаемым ею сведениям. Хотя в основе многих сообщений античных авторов лежат реальные события, в каждом конкретном случае при их использовании с особой остротой встает вопрос о проверке достоверности этих сведений, решение которого требует специальных процедур источниковедческого анализа. Недооценка этого обстоятельства и буквальное, зачастую наивное, следование античной традиции, ведет к искажению представлений об истории киммерийцев.

* Перевод А.А. Вигасина.

Вторую группу источников, резко отличающуюся по своему характеру от первой, составляют аккадские клинописные тексты, написанные одновременно с прямыми контактами ассирийцев и киммерийцев. К ним примыкают и немногочисленные библейские тексты. Благодаря им мы получаем из первых рук весьма достоверную информацию. Многие аккадские документы хорошо датируются, часто с точностью до года, иногда даже месяца и дня, что позволяет создать надежную хронологию киммерийской истории и вписать ее в общий контекст истории Передней Азии. Однако при всех своих достоинствах аккадские источники дают чрезвычайно фрагментарную картину киммерийской истории, отражая лишь отдельные ее эпизоды, которые были связаны со сферой непосредственных прагматических интересов ассирийцев и вавилонян. Некоторые события киммерийской истории освещены аккадскими текстами достаточно хорошо, однако между ними остаются большие лакуны, которые лишь иногда удается заполнять, используя сведения античной традиции и косвенные данные. Кроме того, сведения восточных источников ограничены, естественно, лишь эпохой пребывания киммерийцев в Передней Азии.

Письменные источники обеих основных групп содержат лингвистические данные, составляющие особую категорию источников по истории киммерийцев. Эти данные представляют специальный интерес для решения проблемы этнической и языковой принадлежности киммерийского этноса. К сожалению, лингвистические данные в высшей степени скудны: они ограничиваются именами трех киммерийских царей и самим их названием, сохранившимся в различных языках.

Разумеется, археологические источники не менее важны для изучения киммерийской проблемы, чем письменные. Термин «киммерийская культура» был введен уже самыми первыми исследователями предскифской археологии Северного Причерноморья. В настоящее время он прочно вошел в археологическую литературу, применяясь в качестве обозначения культуры предскифского населения Северного Причерноморья. При этом большинство археологов долгое время не осознавало, а многие не осознают и теперь, всей условности этого термина. Они не сомневаются в том, что «киммерийская культура» действительно принадлежала реальным киммерийцам исторических источников, что совершенно не очевидно и никогда не было доказано. Сомнения в корректности такого представления возникли лишь в последнее время и вопрос об археологической культуре реальных исторических киммерийцев был, в частности, одним из важнейших, обсуждавшихся в данной дискуссии.

В последнее время в изучении всех аспектов киммерийской проблемы достигнуты значительные успехи, однако ряд ее важных сторон продолжает вызывать разногласия. Это в полной мере проявилось в дискуссии, которую завершает данная работа, как и в дискуссии о раннескифской культуре, проведенной в 1992–1994 гг. на страницах журнала «Российская археология».

Пожалуй, меньше всего разногласий в настоящее время вызывает трактовка клинописных текстов, связанных с киммерийской проблемой, однако и здесь не все проблемы решены. Свидетельством этого является открывающая дискуссию статья Э.А. Грантовского, М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского, посвященная разбору моей книги о пребывании киммерийцев в Передней Азии¹.

¹ Грантовский Э.А., Погребова М.Н., Раевский Д.С. Киммерийцы в Передней Азии. (По поводу монографии: *Ivanchik A.I. Les Cimmériens au Proche-Orient (Orbis Biblicus et Orientalis. 127)*. Fribourg Suisse, Gottingen, 1993. Русское издание: *Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996*) // ВДИ. 1997. № 4. С. 69–85. Моя книга представляет собой переработанный вариант кандидатской диссертации, написанной под руководством Э.А. Грантовского и защищенной в начале 1990 г. (русское издание посвящено его памяти). Работать под руководством Э.А. Грантовского было не только очень полезно и интересно, но и чрезвычайно приятно. Он всегда щедро делился со мной своими знаниями и идеями. При этом, несмотря на разницу в возрасте, опыте, да и просто в эрудиции, он никогда не стремился подавить собеседника. Если наши взгляды расходились, а случалось это нередко, он пытался убедить меня чисто научными аргументами, но, если это не удавалось, никогда не навязывал своей точки зрения. Ему нравилось представлять наши отношения не как традиционные отношения

Первая проблема, которая продолжает вызывать разногласия – локализация района, занятого киммерийцами в период их победы над войсками урартского царя Русы I. Напротив, датировка этого события 714 г. до н.э., которую я обосновывал в своей работе, кажется, получила одобрение большинства исследователей. Говоря об этой проблеме, следует начать с того, что много недоразумения объясняются неточным пониманием самого термина «страна Гамир» исследователями, не являющимися специалистами в области ассириологии. Переводы «страна Гамир» или «страна киммерийцев» достаточно условные. Аккадское ^{KUR}Gamir(ra) – это не более чем этноним, снабженный детерминативом страны и лишенный своего суффикса -aia, служащего для оформления названий народов. Это слово обозначает просто район, занятый киммерийцами, и из его употребления нельзя сделать никаких выводов, касающихся размеров этого района, длительности пребывания там киммерийцев или прочности их контроля над ним. Судя по эфемерности этого названия, которое не встречается в более поздних источниках, речь должна идти не о настоящем стабильном топониме, а просто о районе, где киммерийцы находились в момент их конфликта с Урарту в 714 г. до н.э.² О том же свидетельствует и колебание в его форме (Gamir/Gamirra), которое подтверждает вторичный характер топонима, образованного от названия киммерийцев.

Что касается его локализации, то взгляды исследователей по сути сводятся к двум точкам зрения. Представители первой считают, что киммерийцы находились к северу от Урарту, т.е. в Закавказье, на территории Северной Армении или Южной Грузии. Представители второй склонны локализовать их на юго-восточной границе Урарту, к югу от оз. Урмия в районе Манны. Первая точка зрения, которую я защищал в своей монографии, и сейчас представляется мне более обоснованной. Она опирается на идентификацию области Gu/Qu-gi-a-ni-a, с которой граничила территория занятая киммерийцами³, с областью Qu-gi-a-ni, а также Gu/Qu-gi-a-ni, упоминаемыми в урартских текстах и расположенными к северу от Урарту. Альтернативная локализация, в районе оз. Урмия, основывается не на каких-то конкретных данных, а лишь на общих

учителя и ученика, а как отношения друзей и коллег, которые могут дискутировать на равных. Это приводило к тому, что полемика между нами иногда возникала в ситуациях, обычно исключающих публичную дискуссию между диссертантом и его руководителем: например, при обсуждении диссертации и даже при ее защите. Поэтому я совсем не удивился, узнав, что мой учитель принял участие в написании статьи, содержащей критический разбор книги, написанной под его руководством. К сожалению, окончательный вариант этой статьи соавторы Э.А. Грантовского были вынуждены готовить уже без его участия и, видимо, не всегда могли адекватно отразить его взгляды. Так, из текста, опубликованного на с. 85, читатель может сделать вывод, что наши взгляды на формирование геродотовской хронологии мидийской и лидийской истории совпадали. В действительности это был один из пунктов наших расхождений. Разумеется, как и все специалисты, обращавшиеся к данной проблеме начиная с конца прошлого века, мы оба признавали неисторичность и сконструированность этой хронологии. Однако конкретные решения проблемы ее возникновения и источников нами предлагались разные, что служило предметом и публичной полемики (в частности, и в присутствии его соавторов). Соображения Э.А. Грантовского по этому поводу см. *Грантовский Э.А. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. 1994. № 3. С. 31–37, со ссылками на предыдущую литературу начиная с Э. Майера. С другой стороны, статья трех авторов содержит полемику с некоторыми положениями моей книги, которые Э.А. Грантовский поддерживал.*

² Это обстоятельство часто игнорируется, особенно в работах археологов, которые опираясь лишь на переводы, понимают «страну Гамир» как настоящую страну, стабильно занимаемую киммерийцами. Именно на таком понимании основывается ее локализация на Северном Кавказе, предложенная в одной из статей дискуссии: *Махортых С.В. Киммерийцы и древний Восток // ВДИ. 1998. № 2. С. 92 сл. Автор находит возможным говорить даже о «собственных постоянных административно-территориальных владениях киммерийцев», хотя термин «Гамир» аккадских текстов, конечно, не подразумевает ничего подобного.*

³ Фраза письма SAA 5, 92 (№ 4 моего корпуса) «Гуриания – область между Урарту и Гамирра» притом, что далее сообщается, что разбитые в Гамирра урартские войска отошли в Гуриания, на мой взгляд недвусмысленно указывает на то, что область, занятая киммерийцами, граничила с Гуриания. Сомнения моих оппонентов в этом (*Грантовский, Погребова, Раевский. Ук. соч. С. 73. Прим. 12; Махортых. Ук. соч. С. 97*), на мой взгляд, лишены оснований. Если бы область, занятая киммерийцами, действительно не граничила с Гуриания, автор письма нашел бы способ точнее обозначить ее локализацию.

рассуждениях. Аргументы сторонников этой локализации достаточно подробно рассматривались мной ранее, что избавляет от необходимости повторять здесь уже сказанное.

Авторы статьи, открывающей дискуссию, присоединяются ко второй точке зрения, не приводя, впрочем, существенных аргументов в ее пользу. Оценка свидетельств урартских текстов как «единичных и не вполне внятных» (с. 73), что соответственно должно вызвать недоверие к ним, удивляет: показания текстов, на которые я опирался, ничуть не менее единичны и вняты, чем подавляющее большинство других свидетельств по географии и истории Урарту и сопредельных районов. Если подходить к источникам с такой позиции, то следует сразу отказаться от попыток реконструкции географии этих районов, поскольку все источники оказываются незаслуживающими доверия в силу своей невнятности. И если уж тройное упоминание топонима в разноязычных источниках близкого времени с минимальными орфографическими вариациями объявлять единичными, то что уж говорить о нередких случаях, когда топоним или историческое событие упоминаются в источниках один или два раза? Так что ссылок на невянность источников здесь явно недостаточно, и в любом случае лучше иметь на своей стороне пусть и не совсем внятные (а на мой взгляд вполне красноречивые) источники, чем не иметь никаких, как это происходит в случае с локализацией области киммерийцев к юго-востоку от Урарту.

Соображение о том, что урарты не закрепились севернее линии, соединяющей озера Чалдыр и Севан, вовсе не противоречит локализации области Гуриания в Южном Закавказье. Автор письма говорит, что эта область платит дань урартам, т.е. не входит в состав их царства, а лишь находится в зависимости от него. Это вполне соответствует ситуации, существовавшей в Южном Закавказье.

Наконец, мои оппоненты воспроизводят аргумент А. Кристенсен, согласно которому конфликт Урарту с киммерийцами должен был происходить в тех районах, откуда Синаххериб получал информацию о нем, т.е. в районе урарто-ассирийской границы. Я уже писал о том, что этот аргумент несостоятелен и отражает превратное представление о функционировании ассирийской разведывательной службы. Ясно, что ассирийцы не держали, на манер современных спецслужб, законспирированных резидентов в столице Урарту и ее провинциях, которые непосредственно связывались с «центром». Ассирийцы получали всю информацию о состоянии дел в Урарту с ассирийско-урартской границы. На это есть прямые указания в письмах: источники, на которые ссылается Синаххериб, это областеначальники пограничных провинций, правители зависимых и полузависимых пограничных образований и «начальники гарнизонов крепостей на границе». При этом информация поступает не только из ближайших к Урмии Муцацира и области государственного глашатая (как следовало бы ожидать, если бы А. Кристенсен и ее последователи были бы правы), но и из находящихся далеко от озера к западу и северо-западу областей Хабху, Кумме и уккийцев. Информаторами названы также начальники *всех* крепостей на границе. Уже сам этот факт свидетельствует о том, что названные источники дают информацию далеко не только о событиях, происходящих в непосредственной близости от них, но обо всем, что становится им известно о событиях в Урарту. Они сообщают и о событиях в столице Урарту Тушпе, на основании чего, кажется, никому не приходило в голову локализовать ее на ассиро-урартской границе. Итак, тот факт, что Синаххериб получал донесения о событиях в Урарту с урарто-ассирийской границы, не дает никаких оснований для локализации в том же районе описанных в этих донесениях событий.

Один из участников дискуссии, С.В. Махортых, предложил еще один вариант локализации «страны Гамир» текстов эпохи Саргона II. Согласно его мнению, она находилась на Северном Кавказе⁴. Эта «гиперсеверная» локализация полностью игнорирует данные аккадских текстов. Как известно, ассирийцам не был известен Кавказ, и их географические познания тем более не простирались до Предкавказья, что уже

⁴ Махортых. Ук. соч. С. 96 сл.

само по себе вызывает сомнения в предложенной интерпретации. Далее, невозможно себе представить столь дальний поход урартской армии, возглавляемой к тому же царем – через все Закавказье и Кавказ до Предкавказья. Кроме того, страна Гамир, как прямо указывает один из упоминающих ее текстов, граничила с Г/Курианиа, платившей Урарту дань. Невозможно предложить убедительную идентификацию этой области ни в Предкавказье, ни на Кавказе, ни в Северном Закавказье. Предположение С.В. Махортых чисто умозрительно, не основано ни на каких реальных данных и должно быть отвергнуто. Следует заметить еще, что С.В. Махортых в своих рассуждениях исходит из весьма причудливых представлений о географии. Так, говоря о заселении киммерийцами Каппадокии (с. 96–97), он пишет, что свидетельством этого является сообщение Геродота о заселении ими полуострова, на котором находится Синопа. Синопа, надо понимать, по мнению автора расположена в Каппадокии. Одновременно Каппадокия, по его мнению, находится где-то поблизости от оз. Чалдыр. Более того, автор пишет, что Малая Азия лежит к «северу или западу» от страны Гуриани, «расположенной близ Чалдырского озера, вероятно, в верховьях р. Куры». Узнав о том, что Малая Азия может находиться к северу от верховьев Куры, уже меньше удивляешься локализации «страны Гамир» на Северном Кавказе.

На мой взгляд, следовательно, локализация столкновения киммерийцев и урартов в 714 г. до н.э. к северу от Урарту остается непоколебленной. Для того, чтобы обосновать локализацию этого события в районе оз. Урмия, на юго-восточной границе Урарту, ее сторонникам приходится отвергать прямые указания источников, объявляя их невнятными, и прибегать к умозрительным спекуляциям и соображениям о том, что им кажется более или менее вероятным. Замечу кстати, что число сторонников северной локализации области Гурианиа и соответственно конфликта урартов с киммерийцами в последнее время увеличилось: к ней теперь склоняется Дж. Ланфранки, крупный знаток новоассирийских текстов, в том числе и связанных с киммерийцами, который ранее локализовал эту область в районе оз. Урмия⁵ (устное сообщение летом 1994 г.).

Предложенная мной реконструкция истории пребывания киммерийцев в Передней Азии в эпоху Асархадона и Ашшурбанипала, по-видимому, в целом не вызывает возражений. Отдельные ее детали, однако, были подвергнуты критике в статье Э.А. Грантовского, М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского. Так, ее авторы обратили внимание на определение киммерийского вождя Теушпы как «умман-манда, место которого отдаленно» (с. 77–78). Они замечают, что последнее определение «может оказаться весьма существенным для понимания всей истории пребывания киммерийцев в Передней Азии»⁶, и сожалеют, что я не обратил на него должного внимания и не высказал никаких соображений относительно местоположения этого «отдаленного места». Вслед за такой констатацией можно было бы ожидать изложения соображений авторов по этому поводу, однако их нет. Вместо этого читатель находит здесь достаточно странную полемическую конструкцию. Сначала авторы реконструируют мою точку зрения, почему-то полагая, что именно это упоминание позволило мне предположить в другом месте работы, что часть киммерийцев продвинулась в эпоху

⁵ Lanfranchi G.B. I Cimмери. Emergenza delle élites militari iraniche nel Vicino Oriente (VIII–VII sec. a. C.). Padova, 1990. P. 26 f. Предложенная мной реконструкция поддержана также И.М. Дьяконовым в его рецензии на мою книгу: Diakonoff I.M. Two Recent Studies of Indo-Iranian Origins // JAOS. 1995. 115. P. 476. Впрочем, сходная локализация области Гурианиа и столкновения урартов с киммерийцами предлагалась им и раньше. Отмечу заодно, что моя позиция по поводу археологической культуры киммерийцев (которой я, кстати, вообще не касался в своей книге) изложена в этой рецензии неправильно (ibid., p. 475 f.). Предлагаемая здесь датировка колчанного набора из Амасьи (ошибочно указано на происхождение из Имирлера) концом VIII в. до н.э. ничем не обосновывается.

⁶ Ряд других авторов также придает особое значение этому указанию, в том числе С.В. Махортых (ук. соч., с. 97), считающий, что здесь содержится намек на Северный Кавказ, а также и С.Л. Дударев (К вопросу о месте «киммерийских» комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии // ВДИ. 1998. № 4. С. 79).

Асархаддона на запад, в Малую Азию, а часть осталась в Манне и продвинулась в Мидию, и задают вопрос: «Не следует ли из этого, что отдаленным обиталищем, откуда войско Теушпы пришло в Малую Азию, А.И. Иванчик считал Манну?» Сформулировав эту рискованную идентификацию, авторы подвергают ее успешной критике. В то же время моя точка зрения на значение этого оборота была сформулирована достаточно четко и не имела ничего общего с приписываемой мне экстравагантной интерпретацией. Я считал и считаю оборот «умман-манда, место которого отдаленно» одним из частых в ассирийских царских надписях архаизирующих орнаментальных топосов возвышенного стиля, смысл которого состоит вовсе не в указании на реальную локализацию того или иного народа, а во включении текста и описываемых в нем событий во многовековую традицию месопотамской словесности. Его употребление может свидетельствовать лишь о том, к какому типу народов причисляли киммерийцев ассирийцы (а именно к воинственным нецивилизованным народам, куда включались среди других и мидийцы), но отнюдь не о реальной локализации этого народа. Смысл этого топоса состоит также в возвышении ассирийского «царя вселенной», победоносные походы которого распространяются на «четыре конца света» и на «отдаленные страны», населенные периферийными варварами. Замечание же авторов о том, что название «отдаленное место» «не слишком подходит прекрасно известной ассирийцам Манне» выдает их недостаточное знакомство с ассирийскими текстами. В действительности этот топос нередко прилагается именно к маннеям и мидийцам⁷. Упомянутые тексты, разумеется, свидетельствуют вовсе не о том, что Манна и Мидия не были известны ассирийцам, а о том, к какому культурному кругу они причисляли их население. Естественно, вовсе не этот текст заставил меня предположить существование в эпоху Асархаддона двух групп киммерийцев, западной и восточной. Основанием для этого предположения послужили достаточно многочисленные тексты, часть которых говорит о действиях киммерийцев на западе, в Малой Азии, а другая – на востоке, в районе Манны и Мидии. Итак, обозначение Теушпы как «умман-манда, место которого отдаленно» вряд ли может дать сколько-нибудь существенную информацию об истории пребывания киммерийцев в Передней Азии.

Вторая деталь, на которую обращают внимание авторы статьи, касается различных употреблений детерминативов при названии киммерийцев. Их название в аккадских текстах сопровождается в одних случаях детерминативом LU («человек»), а в других – KUR («страна»). Авторы полагают, что это различие смысловое и из него можно сделать существенные для истории киммерийцев выводы. Так, сочетание ^mTe-uš-ra-a ^{kur}Gi-mir-ra-a они считают возможным переводить не как «Теушпа киммериец», а как «Теушпа, (царь/вождь) страны киммерийцев». Из подобных употреблений они делают вывод о том, что киммерийцы воспринимались ассирийцами не просто как этнос, но и как определенная политическая единица, страна, локализованная на востоке Малой Азии. Это в свою очередь предполагает достаточно прочный и длительный контроль киммерийцами определенной территории в названном районе, которая воспринималась как их собственная земля. В качестве аналогии они приводят уже упоминавшуюся «страну Гамир» из писем эпохи Саргона II, считая, что тексты говорят о подобной же «стране киммерийцев» и в более позднее время.

Более полное знакомство с аккадскими текстами показывает, однако, что все эти выводы построены на песке. В действительности в текстах эпохи Асархаддона и Ашшурбанипала использование детерминативов при этнических названиях нерелевантно: при них совершенно безразлично употребляются детерминативы LU («человек»), KUR («страна») и даже URU («город»), а в ряде случаев детерминатив и вовсе отсутствует. Некоторые тексты этой эпохи, в том числе царские надписи, известны нам в нескольких копиях, очевидно, списанных разными писцами с одного

⁷ См., например, такое определение обитателей области Гизильбунда на границе Манны и Мидии в стк. 65 знаменитой реляции Саргона II о его восьмом походе против Урарту; ссылки на другие тексты см. АНв. II. 1972. S. 995, s.v. gūqu(m).

оригинала. Разночтения между этими копиями часто состоят в том, что один копиист выбирает один из упомянутых детерминативов, а другой – другой. Речь идет, таким образом, о чисто графических вариантах, аналогичных, например, написанию слова с помощью идеограммы или слоговых знаков или выбора того или иного знака для передачи определенного слога (это различие в ассириологической транслитерации передается с помощью акцентных знаков или цифровых индексов, например *ar*, *ár*, *àr*, *ar₄* и т.д.). Эта вариативность детерминативов в разных копиях одного текста служит лучшим доказательством того, что они лишены какого-либо смыслового значения и не могут служить основанием для выводов исторического характера⁸. Можно добавить к этому, что аналогичный феномен наблюдается не только в этнонимах, но и в топонимах: название страны может сопровождаться в текстах этой эпохи не только детерминативом *KUR*, но и *LÚ* (ср., например, написание ¹⁰A-*gu-bu*, «Аравия» в стк. IV, 23 призмы А Асархаддона). Таким образом, детерминатив не позволяет однозначно различать этноним и хороним. Такое различие, однако, возможно, причем не только по контексту, но и по грамматической форме, что совершенно игнорируется моими оппонентами. Этнонимы и названия обитателей стран и городов в новоассирийском диалекте оформляются с помощью суффикса *-āia*⁹. Слова с этим формантом несклоняемы, так что слово *Gimirāia* вне контекста может быть переведено как «киммериец», «киммерийцы», «киммерийский», «киммерийцев» и т.д., но не «Киммерия». Именно отсутствие этого форманта, а вовсе не использование детерминатива *KUR*, вопреки мнению авторов статьи, позволяет определить упоминаемое в текстах эпохи Саргона II название ^{kur}PAR-*ir*, ^{kur}Ga-*mir*, ^{kur}Ga-*mir-ra* как топоним и переводить его «Гамир(ра)» («страна Гамир», «страна киммерийцев»). Во всех других случаях, независимо от использования детерминатива, речь идет об этническом названии, имеющем суффикс *-āia*, причем такому пониманию вполне соответствует не только грамматическая форма, но и контекст. Единственным исключением является вавилонская хроника (№ 10 по моему корпусу), где контекст заставляет переводить слово *Gi-mir-a-a* как топоним, а не как этноним: «Сражение было в Бу[...]а и Гимира» (*de-ek-tú AŠ^{kur}Bu-x-ú-a u^{kur}Gi-mir-a-a... de-kát*). Это исключение, вероятно, объясняется тем, что данный текст, в отличие от большинства других, составлялся значительно позже описываемых событий, к тому же в Вавилоне, а не в Северной Месопотамии, жители которой были лучше знакомы с киммерийцами. Авторы этого текста, пользовавшиеся более ранними источниками и излагавшие почерпнутые оттуда сведения в сильно сокращенном виде, очевидно, не всегда хорошо представляли себе географию тех мест, которые упоминали, и все детали политической ситуации. Поэтому вавилонские хроники часто содержат искажения названий по сравнению с ассирийскими царскими надписями. Не является исключением и данный пассаж: оба географических названия, между которыми стоит название киммерийцев в данном тексте, искажены. Составитель текста, очевидно, при сокращении и переработке своего источника преобразовал этноним киммерийцев в топоним. В том, что данное название следует здесь понимать именно как топоним, убеждает, однако, отнюдь не его детерминатив, а положение в контексте. Итак, все рассуждения, построенные на разнице употребления детерминативов при этнонимах в текстах эпохи Асархаддона и Ашшурбанипала, лишены каких-либо оснований и свидетельствуют о недостаточном внимании как к специфике этих текстов, так и к нормам аккадской морфологии.

⁸ Странно, что авторы статьи не обратили внимания на примеры таких разночтений, приведенные в обсуждаемой ими книге. Здесь же упомянуты и случаи, когда название скифов сопровождается детерминативом *URU*. Следуя логике своего рассуждения, они должны были бы говорить, таким образом, не только о «Теушпе (царе) страны киммерийцев», но и об «Ишпакае (правителе) города скифов». Не думаю, однако, что они стали бы всерьез предполагать существование в Передней Азии не только страны киммерийцев, но и города скифов. Ср. многочисленные примеры свободной вариации детерминативов при разных этнонимах в текстах эпохи Асархаддона: *Borger R. Die Inschriften Asarhaddons, Konigs von Assyrien. Graz., 1956 (AfO. Beiheft 9). S. 129–133.*

⁹ Ср. *Soden W. von. Grundriß der akkadischen Grammatik. Roma, 1952 (Analecta Orientalia. 33). S. 69 f.*

Наконец, еще один пункт моих рассуждений, вызвавший возражения, касается интерпретации известных аккадских текстов о «восточной группе» киммерийцев, действовавшей в Манне и Мидии. Аккадские тексты эпохи Асархаддона упоминают о присутствии в этом районе двух групп кочевников – киммерийцев и скифов. И.М. Дьяконов предположил в свое время, что вавилонские писцы употребляли название киммерийцев расширительно уже в VII в. до н.э., как это делали писцы нововавилонской и ахеменидской эпохи, обозначавшие этим термином и среднеазиатских саков и, вероятно, причерноморских скифов. При этом он полагал, что ассирийские писцы, в отличие от вавилонских, последовательно различали скифов и киммерийцев, поскольку происходили из Северной Месопотамии и были лучше знакомы с этими кочевниками. На основании этого предположения И.М. Дьяконов считал, что киммерийцы в эпоху Асархаддона находились исключительно к западу от Ассирии, в Малой Азии, тогда как скифы – на востоке, в Манне и Мидии, а тексты, упоминающие о присутствии киммерийцев в этом районе, в действительности имеют в виду скифов¹⁰.

На мой взгляд, эта гипотеза недостаточно убедительна. Я стремился показать, что тексты эпохи Асархаддона вполне последовательно различают киммерийцев и скифов и что присутствие не только скифов, но и киммерийцев в районе Манны и Мидии фиксируется достаточно надежно. Большая часть упоминаний скифов и киммерийцев в Манне и Мидии сохранилась в составе запросов к оракулу Шамаша, авторы которых для обеспечения максимальной точности пророчества стремились предельно детально и недвусмысленно сформулировать вопросы, перечисляя при этом все возможные угрозы, которых стремились избежать (ср., например, длинные и мелочные перечисления всех возможных лиц, могущих представлять опасность для царя, в запросах, посвященных его благополучию, например SAA 4. 139 = № 38 моего корпуса). Учитывая эту жанровую особенность запросов к оракулу, трудно предполагать, что их составители допускали неточность в наименовании потенциальных противников Ассирии, обозначая реальных скифов названием киммерийцев, даже если и согласиться в принципе с возможностью расширительного употребления этого этнонима в столь раннее время. Как ни трактовать названные тексты, ни у кого не вызывает сомнения, что обе группы, как скифы, так и киммерийцы, были активными действующими лицами в политической жизни эпохи Асархаддона. Употребление одного термина вместо другого создавало бы двусмысленность, и крайне сомнительно, что авторы запросов к оракулу могли ее допустить в своем запросе, подвергаясь риску получить двусмысленный или неточный ответ от оракула.

Кроме того, как уже указывалось, существует по крайней мере один запрос к оракулу, где названия киммерийцев и скифов сохранились рядом (в некоторых других текстах название одного из этих народов рядом с другим восстанавливается с достаточной большой уверенностью). Важно при этом, что имена киммерийцев и скифов включены здесь в список возможных противников, причем в этом списке они стоят не рядом: «Будь то киммерийцы, [или урарты], или маннеи, или скифы, [или...]цы, или любой враг». Если предположить, как делают мои оппоненты, что «скифы» для автора запроса являлись лишь подгруппой «киммерийцев», то невозможно объяснить, почему их упоминания разделены упоминаниями маннеев и [урартов] (восстановление надежно), хотя ни те, ни другие не могли, очевидно, обозначаться собирательным названием «киммерийцы». На мой взгляд, очевидно, что все упомянутые в этом списке названия принадлежат к одному уровню этнической номенклатуры и ни один из них не покрывает другой. Нет никаких оснований предполагать иное словоупотребление в других текстах близкой даты, относящихся к тому же жанру и составленным тем же кругом лиц.

Другие аргументы в пользу реального присутствия киммерийцев в районе Манны и Мидии в эпоху Асархаддона мною уже приводились в монографии и здесь нет не-

¹⁰ Дьяконов И.М. История Мидии. М. – Л., 1956. С. 265; *Diakonoff I.M. The Cimmerians // Acta Iranica. 1981. 21. P. 118 f.*

обходимости их повторять, тем более, что они, кажется, ни у кого не вызвали возражений¹¹.

Таким образом, мне кажется, нет оснований сомневаться в том, что запросы Асархаддона к богу Шамашу (как, впрочем, и его анналы) различают киммерийцев и скифов и не используют название первых для обозначения вторых. Разумеется, расширительное употребление названия киммерийцев, в первую очередь для обозначения среднеазиатских саков, надежно засвидетельствовано частью аккадских текстов. Однако эти тексты датируются гораздо более поздним временем и относятся к нововавилонской и ахеменидской эпохам. Они принадлежат, кроме того, иной писцовой традиции. В отличие от авторов запросов к оракулу бога Шамаша, связанных прежде всего с двором ассирийских царей (хотя часть из них и пользовалась нововавилонским письмом), авторы этих текстов принадлежали к вавилонским канцеляриям, имевшим иные традиции. Разница между традициями канцелярий Северной и Южной Месопотамии, очевидно, стала еще резче с завоеванием Вавилоном независимости и превращением в главного соперника Ассирии, вскоре приведшего ее к гибели. После падения Ассирии вавилонские писцы стали единственными носителями традиций аккадоязычных канцелярий, и именно их традиции, а не традиции ассирийских канцелярий Северной Месопотамии, наследовали ахеменидские канцелярии. Из-за отсутствия данных невозможно установить, когда название киммерийцев стало употребляться расширительно для обозначения среднеазиатских саков, но весьма вероятно, что такое его значение было характерно лишь для вавилонской, но не ассирийской писцовой традиции. Видимо, оно возникло в той среде, в которой различие между двумя группами этносов было несущественно и где важнее было их сходство. В Ассирии эпохи Асархаддона ситуация была совершенно иной – скифы и киммерийцы были не только активными участниками политических событий, но и локализовались, по крайней мере отчасти, на различных территориях и, по всей видимости, нередко занимали разные позиции по отношению к ней (есть основания полагать, что скифы одно время были союзниками Ассирии, тогда как киммерийцы скорее всего всегда оставались ее врагами). Напротив, для вавилонян, особенно начиная с конца VII в. до н.э., различие между киммерийцами, скифами и саками было несущественным, поскольку ни те, ни другие, ни третьи не представляли для них опасности, да и вообще не играли сколько-нибудь существенной роли в их жизни. Следует отметить, что киммерийцы в это время еще не окончательно исчезли из поля зрения переднеазиатских народов (их «изгнание из Азии» приписывается лидийскому царю Алиатту), хотя и не играли той роли, что прежде. Однако перенесение имени киммерийцев на родственных им по культурному типу саков могло произойти и позже: киммерийцы не обязательно должны были оставаться в это время живой реальностью – достаточно было сохранения воспоминаний о них. Подобные случаи долгого существования этнонима после исчезновения его реального носителя хорошо известны. Так, византийцы называли скифами гуннов, славян и некоторые другие народы спустя многие столетия после исчезновения реальных скифов из степей Причерноморья. Итак, мне кажется наиболее вероятным, что название киммерийцев стало употребляться расширительно, в первую очередь для обозначения среднеазиатских саков, писцами Нововавилонского царства в самом конце VII или VI в. до н.э. Говорить о подобном употреблении этнонима в более раннее время, и особенно в ассирийских канцеляриях, нет оснований. В любом случае некорректно было бы переносить выводы, сделанные на основании анализа словоупотребления текстов нововавилонской писцовой традиции, на тексты, представляющие совершенно иную новоассирийскую традицию. Кроме того, у нас нет ни одного свидетельства об использовании названия киммерийцев для обозначения скифских групп, действовавших в Передней Азии в VII в. до н.э. Таким образом,

¹¹ Ср. также убедительную аргументацию И.Н. Медведской против идеи о взаимозаменяемости терминов «киммерийцы» и «скифы» в клинописных текстах: *Медведская И.Н. Заключение по дискуссии* // РА. 1994. № 1. С. 129–130.

предположение о наличии в эпоху Асархаддона двух групп киммерийцев, одна из которых действовала к западу и северо-западу от Ассирии, а другая – к востоку от нее, на мой взгляд, наилучшим образом соответствует данным источников.

Предложенная мной реконструкция истории киммерийцев в эпоху Ашшурбанипала, как и анализ имеющегося лингвистического материала по киммерийской проблеме, кажется, не вызвали существенных возражений; это позволяет не останавливаться на них подробно. Отмечу лишь, что мне было особенно приятно узнать, что И.М. Дьяконов, с которым мне пришлось полемизировать по поводу интерпретации названия киммерийцев, признал предпочтительность предложенного мной варианта и не настаивает более на своей реконструкции истории этнонима киммерийцев и его этимологии¹².

Вторая группа письменных источников по киммерийской проблеме – тексты, принадлежащие античной традиции – реже служила объектом специального исследования, чем клинописные источники. Поэтому особенно ценной является недавняя публикация С.Р. Тохтасьева, содержащая тщательный и подробный разбор этих текстов (в первую очередь свидетельств Геродота)¹³. Эта работа была подвергнута критическому анализу в статье М.Н. Погребовой, Д.С. Раевского и И.В. Яценко¹⁴. Несмотря на возражения этих авторов, порой весьма существенные, после работы С.Р. Тохтасьева, на мой взгляд, невозможно возвращение к наивной вере в полную достоверность рассказа Геродота об изгнании скифами киммерийцев из причерноморских степей. С.Р. Тохтасев весьма убедительно показал, что этот рассказ в известном нам виде представляет собой конечный результат достаточно сложного развития и состоит из элементов различного происхождения, объединенных в рамках единого повествования одним из греческих историков, самим Геродотом или его источником. Вряд ли этот основной вывод можно оспорить, хотя состав отдельных элементов, вошедших в этот синтетический рассказ, их удельный вес в нем, как и их происхождение, могут служить предметом дальнейших дискуссий.

Альтернативная гипотеза М.Н. Погребовой, Д.С. Раевского и И.В. Яценко, согласно которой рассказ Геродота был заимствован им из скифского фольклора чуть ли не целиком, в том виде, в каком он его излагает, совершенно не убедительна. Рассказ Геродота по всем своим признакам схож с ионийской *ἱστορίη* и включает ряд черт, невозможных в фольклорном повествовании. Другое дело, что материал для этой *ἱστορίη* может происходить из разнообразных источников, среди которых, по всей видимости, была и собственная скифская традиция. Однако эта скифская традиция, как и в ряде других случаев, вошла в греческую литературу не непосредственно, а через понтийских греков, близко контактировавших со скифами. На мой взгляд, С.Р. Тохтасеву удалось достаточно убедительно показать, что рассказ Геродота объединяет две локальные традиции припонтийских греков о киммерийцах, одна из которых связана с окрестностями Тире, а другая – с Боспором. Обе устные традиции были объединены в общем повествовании одним из ионийских историков, послуживших источниками Геродота (определенный вклад в формирование этого повествования внес, очевидно, и он сам), который дополнил его информацией, сохранявшейся у народов, входивших в контакт с киммерийцами и скифами в Передней Азии, прежде всего у ионийских греков. Что же касается локальной традиции припонтийских греков, то в ее формировании, наряду с чисто греческими элементами (гомеровский пассаж о

¹² Дьяконов И.М. Киммерийцы и скифы на древнем Востоке // РА. 1994. № 1. С. 109. С.В. Махортых (ук. соч., с. 101 сл.), однако, присоединяется к этимологии И.М. Дьяконова, не приводя, впрочем, серьезных аргументов в ее пользу и не разбирая моих контраргументов.

¹³ Тохтасев С.Р. Античная литературная традиция о киммерийцах // Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 9–50; Tokhtas'jev S.R. Die Kimmerier in der antiken Überlieferung // Hyperboreus. 1996. 2.

¹⁴ Погребова М.Н., Раевский Д.С., Яценко И.В. Киммерийская проблема. (По поводу книги: Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993) // ВДИ, 1998. № 3. С. 69–87.

киммерийцах, живущих у входа в Аид, и его толкования, воспоминания о киммерийских набегах на ионийские и лидийские города, а также, возможно, и скифо-киммерийских конфликтах в Передней Азии и др.), существенную роль сыграл и скифский фольклор. К нему можно возвести, например, рассказ о восстании скифских рабов и их поражении или своеобразном самоубийстве киммерийских вождей. Впрочем, это вовсе не означает, что последний сюжет был уже в скифском фольклоре связан именно с киммерийцами: вполне возможно, что в нем шла речь о неких древних богатырях, исчезнувших с лица земли (ср. аналогичные рассказы осетинского фольклора о гибели нартов). Эти древние богатыри могли быть отождествлены с киммерийцами уже в греческой среде под влиянием представления о том, что исчезнувшие киммерийцы некогда населяли скифскую землю. Рассказ Геродота о киммерийцах может служить объектом дальнейших исследований, но по крайней мере один существенный результат в этом отношении, на мой взгляд, уже достигнут. Этот рассказ не может восприниматься буквально как полностью достоверная историческая справка: речь идет о многослойном явлении, в формировании которого существенную роль играл фольклор (как греческий, так и негреческий) и ученые построения греческих историков, заменявшие недостаток информации. Соответственно следует относиться с очень большой осторожностью к историческим реконструкциям, в основе которых лежит рассказ Геродота.

Опубликованная в рамках дискуссии статья В. Паркера также посвящена сообщениям античных авторов о киммерийцах¹⁵. Автор в основном анализирует свидетельства, касающиеся киммерийских вторжений в Малую Азию. На мой взгляд, ему удается вполне убедительно обосновать свой основной тезис: о том, что поздние авторы, в частности Страбон, в ряде случаев обладают сведениями, не отраженными у Геродота, но восходящими к источникам, ничуть не хуже осведомленным и достоверным, чем его собственные. Несомненно также и то, что традиция о киммерийских походах долгое время сохранялась в среде ионийских греков и что ионийцам были известны многочисленные детали истории киммерийских походов. Геродот использовал лишь часть этой традиции. Несмотря на убедительность этого основного положения статьи, некоторые детали анализа В. Паркера вызывают возражения. Так, он пишет о том, что в ассирийской надписи из храма Иштар царь киммерийцев Дугдамми именуется «царем саков и гутиев» (с. 95). Однако это лишь один из двух возможных здесь вариантов, причем второй, «горный царь гутиев», предпочтителен по ряду причин¹⁶. Но даже если предпочесть первый вариант, я не вижу никаких оснований сопоставлять этот текст со свидетельством Страбона (I. 3.21), согласно которому фракийское племя треров, иногда упоминаемое как союзник киммерийцев, было разбито Мадием. Не вполне убедительно и толкование рассказа Псевдо-Скимна об основании Синопы, по которому этот автор различает два разных киммерийских вторжения. В действительности киммерийцы упоминаются здесь во второй раз скорее всего не для того, чтобы сообщить о втором вторжении, а просто, чтобы датировать основание Синопы. Указание на синхронизм было стандартным способом датировки до распространения олимпийской системы хронологии, и основания ряда других понтийских колоний у Псевдо-Скимна также датированы синхронизмами. Киммерийское вторжение было одним из наиболее известных реперов архаической хронологии и достаточно часто использовалось в качестве синхронизма, позволяющего датировать то или иное событие¹⁷. Античные авторы, по всей видимости, не различали нескольких разных походов киммерийцев (независимо от того, какова была реальная ситуация) и считали, что речь идет об одном вторжении, в ходе которого киммерийцы, естест-

¹⁵ Паркер В. О чем умалчивает Геродот. Заметки о передаче сведений о киммерийцах у греческих авторов помимо Геродота // ВДИ. 1998. № 4.

¹⁶ Подробнее см. *Иванчик А.И.* Киммерийцы. М., 1996. С. 126 сл.

¹⁷ См. подробно: *Ivanchik A.I.* Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsetappe der griechischen Kolonisation des Schwarzmeergebietes // *The Greek Colonization of the Black Sea: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. G.R. Tsitsikhladze (Historia, Einzelschriften. 121). Stuttgart, 1998.

венно, нападали на разные народы и города Малой Азии (фригийцев, вифинцев, лидийцев, ионийцев и т.д.).

В последнее время существенный прогресс достигнут и в изучении археологического аспекта киммерийской проблемы. В центре дискуссии находится вопрос о том, к какой археологической культуре принадлежали исторические киммерийцы. Соответственно все более осознается условность традиционного термина «киммерийская культура». Однако здесь еще далеко до единства между исследователями, и археологический аспект киммерийской проблемы остается, пожалуй, наиболее дискуссионным. Эта дискуссия тесно связана с дискуссией о хронологии раннескифской археологической культуры и, в частности, о датировке перехода к ней от предскифской культуры. В ряде работ высказаны аргументы против традиционного приписывания историческим киммерийцам предскифских археологических культур (в том числе памятников новочеркасского и черноговорского типов) и в пользу того, что их культура с археологической точки зрения была «раннескифской»¹⁸. Сторонники этой точки зрения склонны удревять традиционную дату раннескифской культуры и относить ее начало еще к VIII в. до н.э. В то же время значительное число исследователей продолжает придерживаться традиционной точки зрения, согласно которой археологическая культура исторических киммерийцев была предскифской (новочеркасская и черноговорская), и датировать переход к раннескифской культуре между серединой и концом VII в. до н.э.

Одним из примеров такого подхода к проблеме является статья Н.А. Гаврилюк¹⁹. Она посвящена чрезвычайно важному аспекту изучения предскифской культуры, которому, к сожалению, редко уделяется должное внимание: исследованию керамики и ее использованию для реконструкции этнокультурной истории восточноевропейских степей предскифского периода. Обычно главным источником при исследованиях такого рода являются металлические изделия; на основании их изучения делается вывод о существовании теснейших связей между населением восточноевропейских степей и Кавказа в предскифскую эпоху. Благодаря исследованию керамических находок Н.А. Гаврилюк удается восстановить более сложную и нюансированную картину, которая, очевидно, ближе к истине. Она показывает значение культурных связей населения степей с различными ее соседями, с жителями лесостепей, фракийцами и населением Прикубанья. Нарисованная автором картина весьма убедительна, и единственное, что вызывает неприятие – безоговорочное отождествление всего населения восточноевропейских степей от Дуная до Северного Кавказа с историческими киммерийцами. Это отождествление ничем не обосновывается, и «киммерийцы» выступают здесь просто как псевдоним предскифских культур. В настоящее время такая позиция выглядит как анахронизм: можно не соглашаться с аргументацией противников этой точки зрения, но невозможно ее попросту игнорировать.

В последнее время все более осознается необходимость комплексного подхода к киммерийской проблеме. Попытку провести такой анализ представляет статья С.В. Махортых, который стремится согласовать свидетельства письменных восточных текстов и данные археологии. Подобные попытки можно только приветствовать, но, к

¹⁸ Kossack G. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlichen Formenkreises im Kaukasus // BAVA. 1983. 5; *idem*. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika. Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse N.F. 98. 1987; Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. С. 30–91; Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3; Качалова Н.К., Алексеев А.Ю. Археологические аспекты киммерийской проблемы // Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.П. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993; Тохтасьев С.П. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. 1993. № 2; Дьяконов. Киммерийцы и скифы...; Иванчик А.И. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. I. Киммерийские памятники Передней Азии // ВДИ. 1994. № 3; II. «Раннескифские» находки в Малой Азии // ВДИ. 1995. № 1.

¹⁹ Гаврилюк Н.А. Местные и заимствованные компоненты киммерийской культуры. (По материалам керамики) // ВДИ. 1999. № 1. С. 85–97.

сожалению, конкретный результат, достигнутый в этой статье, разочаровывает. Как уже говорилось, комплексный анализ киммерийской проблемы чреват большими сложностями, поскольку требует от исследователя высокой квалификации в достаточно далеких друг от друга областях, в данном случае в археологии и ассириологии. Квалификация С.В. Махортых в области археологии не вызывает сомнений, чего не скажешь о клинописных текстах. Не говоря уже о том, что автор использует их только в переводах, даже не обращаясь к оригиналам, единственный его источник сведений об этих текстах – собрание переводов И.М. Дьяконова «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту» (ВДИ. 1951. № 2–3). Эта публикация, бывшая образцовой для своего времени, сильно устарела за прошедшие почти 50 лет, богатые интенсивными ассириологическими исследованиями. С.В. Махортых практически полностью игнорирует их результаты. Единственное исключение он делает для моих работ (что, конечно, лестно для их автора, но совершенно недостаточно), да и то использует лишь краткий автореферат диссертации и одну статью на эту тему, в то время как подробно излагающую всю аргументацию монографию оставляет в стороне. Несмотря на то, что он цитирует в первом примечании некоторые публикации 90-х годов, посвященные клинописным источникам по киммерийской проблеме (французский вариант моей книги, монографию Дж. Ланфранки и почему-то только IV том серии «State Archives of Assyria», хотя упоминающие киммерийцев аккадские тексты переизданы и в других томах той же серии), в дальнейшем он более к ним не обращается.

Неудивительно поэтому, что представления С.В. Махортых о клинописных источниках по киммерийской проблеме остаются в лучшем случае на уровне исследований полувековой давности. Его статья содержит ряд мелких неточностей и прямых ошибок, касающихся аккадских текстов. Не лучше обстоит и с основными выводами. Попытка локализации страны Гамир на Северном Кавказе и другие рассуждения по поводу исторической географии Передней Азии не выдерживают критики, о чем уже сказано выше. То же касается и размышлений по поводу статуса страны Гамир, равно как и страны скифов. Автор повторяет уже не раз делавшуюся отечественными археологами ошибку, утверждая, что ассирийские надписи, впервые упоминающие скифов, «связывают их не с государственным образованием, а именно с войском (отрядом) под главенством походного вождя Ишпаки... и лишь Партатуа назван царем страны скифов» (с. 97, прим. 12). На ошибочность именно этого построения уже почти двадцать лет назад указал Э.А. Грантовский²⁰, отмечая, что это толкование основано не на источниках, а на неточно понятом переводе и комментарии И.М. Дьяконова. И в самом деле, ассирийские тексты не позволяют проводить никакого различия между «Ишпакаем скифом» и «Партатуа, царем скифов», поскольку и та, и другая формулировка в равной степени могут обозначать царя или вождя. Этот пример лишний раз показывает, насколько опасно пользоваться источниками из вторых рук.

Не выдерживают критики и другие «ассириологические» построения автора, в частности предположение, что развитие коневодства в Манне объясняется пребыванием там части киммерийцев (с. 98–99). В действительности коневодство в этом регионе было развито независимо от евразийских кочевников и до их появления в регионе. Отношения между киммерийцами и скифами (с. 100–101) в Передней Азии также освещены С.В. Махортых превратно, в значительной мере потому, что часть важных источников, не вошедших в собрание И.М. Дьяконова, осталась ему неизвестной. Так, он пишет, что киммерийский вождь Тугдамме погиб в результате «столкновения киммерийцев со скифами, спровоцированного Ассирией». В то же время в нашем распоряжении имеются аккадские тексты, подробно описывающие обстоятельства смерти Т/Дугдамме (анналы редакций IT и H, тексты см. № 48 и 49 моего корпуса), которые не содержат ничего подобного. Киммерийский вождь умер от болезни, описанной весьма красочно и детально, после ряда пограничных конфликтов с

²⁰ Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 135.

ассирийцами, в которых он выступал в союзе с царями Хилакку и Табала. Скифы в этих конфликтах участия не принимали, и вообще их присутствие в Малой Азии ранее двух последних десятилетий VII в. до н.э. ничем не фиксируется. Замечу кстати, что и на территориях к востоку от Ассирии аккадские источники не упоминают никаких конфликтов между скифами и киммерийцами, так что все рассуждения С.В. Махортых на эту тему представляют собой чистые домыслы.

Что касается археологического аспекта проблемы, то С.В. Махортых придерживается традиционной точки зрения, согласно которой киммерийцам принадлежали «предскифские» памятники типа Новочеркасского клада, и датирует их концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. Археологическим свидетельством походов киммерийцев в Переднюю Азию С.В. Махортых, как и другие сторонники этой точки зрения, считает некоторые находки передневозточного облика на Северном Кавказе и в Причерноморье: остроконечные шлемы, чешуйчатые панцири, пекторали и др.²¹

Одним из свидетельств «участия киммерийцев в переднеазиатских походах», С.В. Махортых, вслед за рядом предшественников, считает бронзовые пряжки от конской сбруи, найденные в Носачевском кургане в днепровской лесостепи. Эти бляшки сопоставлялись с изображениями конских украшений (детали наборных украшений нагрудных ремней) на ряде ассирийских рельефов и других изображений²², на основании чего делалось предположение об их заимствовании народами Передней Азии у евразийских кочевников (реже, напротив, о передневозточном происхождении носачевских бляшек). Однако находки таких бляшек от конских уборов известны в переднеазиатских памятниках конца IX в. до н.э., в частности в слое финального пожара Хазанлу IV B²³, т.е. их появление здесь по меньшей мере на век предшествует началу киммерийских походов и никак не может быть с ними связано. Более того, недавно А.Ю. Алексеев отметил, что, судя по сохранившимся при носачевских бляшках обрывкам ремней, а также их форме, они не могли помещаться на нагрудных ремнях сбруи и, следовательно, не являются функциональной аналогией бляшкам, изображенным на ассирийских рельефах²⁴. После этого сопоставление между ассирийскими рельефами и носачевскими находками потеряло всякие основания и, таким образом, носачевские бляшки не могут более использоваться в качестве хронологического репера для датировки памятников новочеркасского типа, ни аргумента в пользу участия «новочеркасцев» в переднеазиатских походах. На это справедливо указал и С.Л. Дударев²⁵.

С.В. Махортых в своей статье занял по поводу этих предметов достаточно странную позицию. В тексте своей работы он соглашается с сопоставлением носачевских бляшек и ассирийских рельефов и на этом основании однозначно считает их «археологическим подтверждением участия киммерийцев в переднеазиатских походах» (с. 99). Однако здесь же, в примечании к процитированной фразе, выражено противо-

²¹ Той же точки зрения придерживаются и Погребова, Раевский, Яценко (ук. соч., с. 82).

²² *Коваленко Г.Т.* Носачівський курган VIII–VI ст. до н.е. // *Археологія*. 1966. 20. С. 177 сл.; *Тереножкин А.И.* Киммерийці. Киев, 1976. С. 159, 205; *Лесков А.М.* Курганы: находки, проблемы. Л., 1981. С. 95, 98 сл.; *Скорий С.А.* До питання про «культурна належність» старожитностей типу Новочеркаського скарбу 1939 г. // *Археологія*. 1991. № 3. С. 24; *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и древний Восток. М., 1992. С. 184; *Раевский Д.С.* О логике построения раннескифской хронологии // *РА*. 1993. № 2. С. 81; *Эрлих В.Р.* У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. С. 83, 89. Ср. *Клочко В.И., Мурзин В.Ю.* О хронологии древностей черногоровско-новочеркасского типа // *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск, 1989. С. 68.

²³ *Schaunsee M. de., Dyson R.H.* Hasanlu Horse Trapping and Assyrian Reliefs // *Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of Charles Kyrle Wilkinson*. N.Y., 1983. P. 63 f. Fig. 6; cp. p. 70 f. Fig. 18, 3; *Muscarella O.W.* Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. N.Y., 1988. P. 70 f. Fig. 106, 107, 109, 110; *Schaunsee M. de* Horse Gear from Hasanlu // *Expedition*. 1989. 31. № 2–3. P. 48. Fig. 19. Найденные в Хазанлу бляшки использовались, видимо, в качестве наборного украшения ремней узды, а не нагрудника.

²⁴ *Алексеев*. Ук. соч. С. 80 сл.; *Алексеев, Качалова*. Ук. соч. С. 79 сл.

²⁵ *Дударев*. Ук. соч. С. 78.

положное мнение: присоединяясь к мнению А.Ю. Алексеева, автор отмечает функциональное несоответствие деталей узды, найденных в Носачево и Квитках и изображенных на ассирийских рельефах, отрицает их отождествление и замечает, что сходство между ними «отчасти внешнее». Объединить две точки зрения в логически непротиворечивом высказывании не представляется возможным: если носачевские бляшки не отождествляются с изображенными на ассирийских рельефах деталями узды (даже если возводить их к общим прототипам, что само по себе весьма сомнительно и совершенно не доказано), они, очевидно, не могут служить «археологическим подтверждением» участия новочеркасцев в переднеазиатских походах. Читатель остается в недоумении: какое из двух противоположных высказываний – в тексте или в примечании к нему – отражает точку зрения автора?

К числу археологических свидетельств киммерийских походов С.В. Махортых относит также находки наконечников стрел в Передней Азии. Однако его утверждение, что среди них имеются наконечники предскифских типов (с. 102–103), ошибочно. Во всех случаях, в том числе в тех, на которые он ссылается, как и в тех, которые не упоминает, речь идет о наконечниках так называемого раннескифского типа, двухлопастных («келермесских», иногда «жаботинских») или трехлопастных. Особое значение С.В. Махортых придает находкам таких наконечников в «городе Мидаса». Они, однако, не имеют никакого отношения к обсуждаемой проблеме: эти наконечники происходят из слоя V–IV вв. до н.э. («notre ville»)²⁶ и датируются, следовательно, на один-два века позже, чем пребывание киммерийцев в Малой Азии. В это время стрелы названного типа находились на вооружении чуть ли не всех передневосточных армий, так что связывать их с каким-либо конкретным этносом невозможно.

Утверждение С.В. Махортых (с. 99, 103)²⁷ о том, что «в Амлаше» найдены «редчайшие для этого региона» трехлопастные наконечники стрел, аналогии которым происходят из погребений в Белоградце и Носачеве, просто ошибочно. Во-первых, трехлопастные наконечники стрел, изредка находимые в комплексах типа Новочеркасского клада, например в Носачеве²⁸, имеют совершенно иную форму и несопоставимы с наконечниками из Ирана. Во-вторых, эти три (а не два, как пишет С.В. Махортых) трехлопастных наконечника, обнаруженных в погребении 9 у деревень Эмам и Томаджан на южном побережье Каспийского моря²⁹, вовсе не являются «редчайшими» в регионе. Напротив, они принадлежат к типу, широко распространенному в Иране начиная со второй половины VII в. до н.э. и позже. Достаточно упомянуть, например, находку около четырех тысяч таких наконечников в Персеполе. Наконец, погребение из Эмама, о котором идет речь, нет оснований датировать VIII–VII вв. до н.э.; оно вполне может принадлежать и к значительно более позднему времени.

Что касается других «археологических свидетельств» киммерийских походов, обнаруженных в новочеркасских памятниках, то их подробное рассмотрение не может быть представлено здесь по соображениям объема. Я надеюсь предложить его вниманию читателя в специальной монографии, рукопись которой подготовлена к печати. Замечу лишь, что в действительности происхождение большинства этих предметов связано не с Передней Азией, а с Кавказом.

С.Л. Дударев в своей весьма серьезной и фундированной статье предлагает определенный компромисс³⁰. Прежде всего, он различает две волны вторжений киммерийцев в Переднюю Азию. Первую волну он датирует началом правления Саргона II в Ассирии (до 714 г. до н.э.) и считает, что за ней последовал «отток»

²⁶ *Haspels C.H.E.* La cité de Midas. Céramique et trouvailles diverses (Phrygie. Exploration archéologique faite et publiée sous la direction de M. Albert Gabriel. T. III). P., 1951. P. 3–5 (датировка), 97. Pl. 42, a–b.

²⁷ Ср. его более развернутое высказывание: *Махортых С.В.* Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994. С. 22, 29 сл.

²⁸ Ср. *Тереножкин*. Ук. соч. С. 80, 135. Рис. 45, 9.

²⁹ *Samadi H.* Les découvertes fortuites. Klardasht, Garmabak, Emam et Tomadjan (Mazandéran et Guilan). Teheran, 1959. P. 40; *idem.* Les découvertes fortuites // *Arts Asiatiques*. 1959. 6. P. 190. Fig. 26.

³⁰ *Дударев*. Ук. соч.

кочевников из Западной Азии в восточноевропейские степи. Вторую волну С.Л. Дударев датирует начиная с 70-х годов VII в. до н.э.³¹ При этом он, кажется, готов признать кочевнические памятники Малой Азии (Норшун-тепе, Имирлер) киммерийцами, хотя и говорит об этом не вполне уверенно. Эти памятники он относит ко второй волне и, таким образом, допускает, что археологическая культура киммерийцев «второй волны» была раннескифской. Однако, по его мнению, это не предопределяет решения вопроса об археологической культуре киммерийцев конца VIII в. до н.э. и, в частности, киммерийцев «первой волны». Сам С.Л. Дударев аргументирует точку зрения, согласно которой киммерийцы VIII в. до н.э., в том числе и участвовавшие во вторжениях «первой волны» в Переднюю Азию, принадлежали к культуре новочеркасского типа.

Эта теория не кажется мне достаточно убедительной. Прежде всего, вызывает сомнения сама идея двух волн киммерийских вторжений. Она основывается исключительно на том, что киммерийцы не упоминаются в аккадских источниках между 714 и 679 г. до н.э. (о степени убедительности второго аргумента, который основывается на именовании Теушпы «киммерийцем, место которого далеко», уже говорилось). Разумеется, нельзя исключать, что в течение этих 35 лет киммерийцев и в самом деле не было на Переднем Востоке, однако отсутствие их упоминаний может объясняться и другими причинами, в частности спецификой наших источников и их лакунарностью. Стоит отметить, например, что письма эпохи Синаххериба нам совершенно неизвестны³². В то же время все упоминания о киммерийцах, относящиеся к эпохе Саргона, находятся именно в этой серии текстов, и если бы саргоновские письма также не сохранились, мы ничего не знали бы о присутствии киммерийцев в Передней Азии в конце VIII в. до н.э. Тот факт, что киммерийцы упоминаются в аккадских текстах лишь в связи с событиями, датируемыми около 714 г. до н.э., вовсе не означает, что их присутствие к югу от Кавказа ограничивалось единственным набегом, относящимся к этой дате. Киммерийцы могли просто не попадать в поле зрения составителей ассирийских текстов или не влиять на интересы Ассирии, не входя в прямое соприкосновение с ее территорией, а потому не упоминаться в текстах; наконец, связанные с киммерийцами документы могли просто не сохраниться. Поэтому в данном случае применение аргумента *ex silentio* особенно непродуктивно.

Ряд косвенных данных также указывает на то, что к 679 г. до н.э., когда киммерийцы вновь начинают упоминаться в аккадских текстах, они уже были достаточно хорошо известны в Ассирии и не были недавними пришельцами. Именно этим годом датируется договор о продаже огорода в Ниневию (SAA 6, 204; № 42 моего корпуса), в котором среди свидетелей сделки упоминается некий Убру-Харран, начальник киммерийского подразделения. Как ни толковать это название (подразделение киммерийских наемников или просто подразделение, вооруженное на киммерийский манер), сам факт существования в Ниневии «киммерийского подразделения» в 679 г. до н.э. свидетельствует о том, что контакты ассирийцев с киммерийцами, причем достаточно интенсивные, начались существенно раньше этой даты. Кроме того, аккадские тексты свидетельствуют о том, что киммерийцы уже с самого начала 670-х годов находились на западной границе Ассирии (в 679 г. до н.э. они упоминаются в районе Табала, несколько позже во Фригии, а десять лет спустя и в Лидии). Вряд ли они могли проникнуть в столь отдаленные районы сразу вслед за своим первым после долгого перерыва появлением к югу от Кавказа. Представляется поэтому более чем сомнительной идея о том, что перерыв в упоминаниях киммерийцев между 714 и 679 гг. до н.э. отражает реальный перерыв в их переднеазиатских походах. Скорее всего киммерийские походы, в которых наверняка участвовали различные, часто не связанные между собой группы, продолжались в течение всего этого времени. Наши фрагмен-

³¹ Там же. С. 79 сл.

³² *Parpola S. Assyrian Royal Inscriptions and Neo-Assyrian Letters // Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons / Ed. F.M. Fales. Roma, 1981. P. 136.*

тарные источники фиксируют, по-видимому, два эпизода, относящиеся к начальной эпохе киммерийских походов (столкновение с урартской армией на северных границах страны и набег на Урарту из Манны), а затем ряд эпизодов, относящихся к более поздней эпохе, когда география киммерийских походов существенно расширилась и стала включать удаленные территории Малой Азии. Однако можно быть совершенно уверенным, что история пребывания киммерийцев в Передней Азии не ограничивалась этими эпизодами.

Если говорить о чисто археологической стороне гипотезы С.Л. Дударева, то она предполагает, что переход от предскифской (новочеркасской) культуры к раннескифской произошел не в результате смены этноса (скажем, киммерийцев на скифов), а в результате смены культуры одним и тем же этносом (киммерийцами). При этом смена культуры произошла очень быстро, максимум за треть века, поскольку киммерийцы «первой волны» в конце VIII в. до н.э. были носителями первой культуры, а киммерийцы второй волны (с начала 670-х годов до н.э.) – уже второй. Мне представляется, что подобную схему развития трудно согласовать с имеющимися фактами. Несмотря на наличие отдельных новочеркасских элементов в составе раннескифской культуры, невозможно говорить о прямой эволюции новочеркасской культуры в раннескифскую. Кроме того, «раннескифские» памятники Передней Азии отнюдь не самые архаичные – они представляют уже второй этап развития этой культуры (по периодизации Г. Коссака и И.Н. Медведской). Таким образом, киммерийцы принесли в Малую Азию «раннескифскую» культуру уже во вполне сформировавшемся виде, что трудно согласовать с предположением о том, что тот же народ лишь тремя десятилетиями раньше принадлежал к совершенно иной культуре.

Наконец, и само обоснование тезиса о принадлежности киммерийцев «первой волны» к культуре новочеркасского типа и об их оттоке в восточноевропейские степи кажется весьма спорным. Выше уже указывалось: в Передней Азии отсутствуют находки новочеркасского облика, так что С.Л. Дударев, как и другие сторонники традиционной точки зрения на культурную принадлежность киммерийцев, оперирует находками из восточноевропейских степей и Предкавказья, которые ставятся в связь с передневосточными вещами. Однако С.Л. Дударев дополняет обычный в таких случаях список находок, которые я уже упоминал, рядом предметов несомненно кавказского происхождения, обнаруженных в Северном Причерноморье (ситулы и другие кавказские бронзы). Он расценивает эти предметы как свидетельства киммерийских походов³³. На мой взгляд, с такой оценкой невозможно согласиться. Находки кавказских (в отличие от малоазийских или ассирийских) вещей в Восточной Европе, и тем более в Предкавказье, никак не могут служить свидетельством вторжений в Переднюю Азию. Тесные связи и контакты (которые, конечно, могли быть не только мирными) между этими регионами существовали как задолго до переднеазиатских походов киммерийцев и скифов, так и много позже их. Находки закавказских («южных») предметов в Предкавказье и предкавказских («северных») в Закавказье, как и находки кавказских бронз разных эпох в Северном Причерноморье, являются отражением этих контактов, не имеющих никакого отношения к походам в гораздо более удаленные районы Передней Азии.

Противники гипотезы, согласно которой исторические киммерийцы были носителями «раннескифской» археологической культуры, ссылаются на то, что кочевнические памятники Передней Азии, на которые она опирается, немногочисленны и в них представлен неполный набор инвентаря этой культуры (например, отсутствует керамика)³⁴. Это возражение не учитывает, однако, специфики археологических следов кочевнических походов в районы обитания оседлых народов. Исследованию этой специфики посвящена статья Г. Парцингера³⁵, имеющая большое значение для кимме-

³³ Дударев. Ук. соч. С. 80–82.

³⁴ См. например: Махортых. Киммерийцы и древний Восток. С. 102.

³⁵ Парцингер Г. Степные кочевники на востоке Центральной Европы. Находки и памятники в свете сравнительной археологии // ВДИ. 1998. № 2. С. 104–115.

рийской проблемы. Приведенные Г. Парцингером примеры служат лучшим доказательством того, что вторжения групп кочевых всадников оставляют только единичные следы, которые могут быть фиксированы методами археологии лишь с большим трудом, несмотря на размах этих вторжений и их важное историческое значение. Так, вторжения гуннов или мадьяр в Западную Европу, несмотря на свою огромную историческую роль, представлены лишь несколькими отдельными находками и единичными погребальными комплексами, которые идентифицируются в основном благодаря найденному в них оружию и элементам конского убора. Странно было бы ожидать иного от археологических свидетельств вторжений киммерийцев в Переднюю Азию. Более того, на этом фоне четыре погребальных комплекса³⁶ и достаточно большое количество отдельных находок выглядят совсем не так плохо: по сравнению со свидетельствами походов гуннов и мадьяр их можно даже считать многочисленными. Те, кто считает этот материал недостаточным, очевидно, надеются найти в Передней Азии несколько крупных киммерийских некрополей с монокультурными погребениями, содержащими полный набор типичного для степей инвентаря, в том числе и керамику. Такие надежды, на мой взгляд, могут свидетельствовать лишь о непонимании специфики кочевнических памятников. Найденные до сих пор в Передней Азии следы пребывания исторических киммерийцев именно таковы, какими и должны быть следы кочевнических набегов: изолированные находки, относящиеся прежде всего к военной сфере, и редкие погребения, содержащие, наряду с собственной конской уздой и оружием, местные предметы. Никаких иных материальных следов они и не могли оставить.

Что касается датировки, то во многих случаях, когда устанавливается абсолютная дата находок «раннескифского» облика в Передней Азии (она, как правило, дается стратиграфией хорошо раскопанных поселений), речь идет о первой половине VII в. до н.э. (погребения на Норшун-тепе, перекрытые полом здания, на котором находилась керамика середины и третьей четверти VII в. до н.э., находки наконечников стрел и элементов узды «раннескифских» типов в слоях первой половины VII в. до н.э. Богазкёя, Каялидере, Нуш-и Джана, Машат-Хююка и др.)³⁷. Таким образом, «раннескифские» предметы, а также содержащие их погребальные комплексы, известны в Передней Азии уже в первой половине VII в. до н.э., что при любой интерпретации этих находок заставляет датировать начало «раннескифской» культуры не позже этого времени. Такая датировка в свою очередь является существенным аргументом в пользу отождествления этих материальных остатков именно с киммерийцами.

К сожалению, значимость этих хронологических данных, кажется, осознается не всеми археологами. В самом деле, чисто археологические методы не в состоянии дать абсолютные даты: используя их можно создать лишь схему относительной хронологии. Для того, чтобы привязать ее к абсолютной хронологии и, следовательно, продатировать археологические памятники, приходится согласовывать полученную археоло-

³⁶ Г. Парцингер (ук. соч., с. 112) говорит об этих захоронениях как о скифских, что может быть верно лишь с археологической точки зрения: они действительно принадлежат «раннескифской» археологической культуре. Однако, судя по письменным источникам, единственными кочевыми всадниками, которые присутствовали в этом районе в первой половине VII в. до н.э., были киммерийцы. Поэтому данные памятники могут быть приписаны лишь киммерийцам клинописных текстов.

³⁷ М.Н. Погребова, Д.С. Раевский и И.В. Яценко (ук. соч., с. 83 сл.) также сомневаются в том, что кочевнические находки в Малой Азии датируются раньше середины VII в. до н.э. При этом они совершенно игнорируют названные датированные находки и говорят лишь о комплексах из Имирлера и Амасьи, которые в самом деле не имеют самостоятельных оснований для абсолютной даты. Что касается трехлопастных наконечников стрел, которые эти авторы склонны признать относительно поздним признаком, то замечу, что они обнаружены в одном из погребений Норшун-тепе и в слоях Богазкёя, относящихся ко второй четверти – середине VII в. до н.э. и, следовательно, использовались уже в это время. Если авторы статьи согласны считать комплексы, содержащие только двухлопастные наконечники, более ранними по сравнению с комплексами, в которых имеются и трехлопастные, то они должны признать погребения из Имирлера и Амасьи более ранними по сравнению с захоронениями с Норшун-тепе, т.е. относящимися в любом случае к первой половине VII в. до н.э.

гических методами систему относительной хронологии со свидетельствами письменных источников, из которых только и можно заимствовать опорные абсолютные даты. Конечно, здесь большие перспективы сулит применение естественнонаучных методов, особенно дендрохронологии, однако в интересующей нас области соответствующие исследования пока находятся в зачаточном состоянии. Фигурирующие в литературе по скифской и предскифской археологии абсолютные даты восходят в конечном итоге именно к письменным источникам. Начиная с последней четверти VII в. до н.э. это в основном античные материалы, однако для эпохи, предшествующей началу греческой колонизации Северного Причерноморья, опорные даты происходят из передневносточной хронологии. Замечу, кстати, что галыштатская хронологическая система, на которой в основном основывалась хронология предскифского периода А.И. Тереножкина, сама в конце концов опирается на привязки к передневносточным и египетским датам.

«Раннескифские» находки в Передней Азии дают редкую возможность соотнести напрямую степные памятники с датированными переднеазиатскими. Полученные на основе такого сопоставления хронологические выводы безусловно предпочтительны перед традиционными абсолютными датировками, восходящими к тем же передневносточным материалам, но через цепочку, иногда достаточно длинную, промежуточных звеньев. Речь идет о появлении новых хронологических реперов, причем более надежных, чем те, которые использовались ранее. Поскольку эти новые данные вступают в противоречие с традиционной хронологией, их появление, казалось бы, должно привести к ее пересмотру. Многие археологи, однако, предпочитают подвергнуть сомнению не устаревшие хронологические схемы, а сами эти реперы, не задаваясь в сущности вопросом о том, на чем основываются те даты, которые они защищают. Ход рассуждения в этом случае прямо противоположен тому, который был бы естественен с методологической точки зрения.

Так, С.Л. Дударев³⁸ пишет, что обнаруженные в Норшун-тепе и Имирлере предметы отражают келермесскую стадию развития раннескифской культуры и что эта стадия «относится специалистами к середине – второй половине VII в. до н.э.». По этой причине он предпочитает игнорировать обоснованную передневносточными материалами датировку погребений на Норшун-тепе и относить их также к середине – второй половине VII в. до н.э., вместо того, чтобы задаться вопросом о возможности пересмотра даты «келермесской стадии» и об основаниях, на которых эта дата базируется.

По сходной логике строятся и рассуждения М.Н. Погребовой, касающиеся датировки Кармир-Блура и соответственно обнаруженных там скифских предметов. Она напоминает о том, что в системе относительной хронологии закавказских памятников, созданной чисто археологическими методами, достаточно четко разделяются два периода, один из которых обычно датируют IX–VIII, а другой – VII–VI вв. до н.э.³⁹ Далее она отмечает, что при раскопках Тейшебаини обнаружена целая серия предметов, «в массе своей эталонных для периода VII–VI вв. до н.э.»⁴⁰. В этом она видит подтверждение традиционной точки зрения, согласно которой эта крепость пережила середину VII в. до н.э. и существовала до начала VI в. до н.э. Такая аргументация кажется достаточно странной. Даже если считать, что датировка обнаруженных в Тейшебаини закавказских предметов VII–VI вв. до н.э. совершенно достоверна и безупречна, она никак не может исключать возможность того, что весь период существования крепости падает на первую половину VII в. до н.э.: только предметы, однозначно более поздние, чем середина VII в. до н.э. могли бы служить опровержению этой точки зрения. К тому же и сама датировка соответствующего пласта закавказских древностей VII–VI вв. до н.э. достаточно условна. Она опирается на синхронизацию этих памятников с урартскими и раннескифскими памятниками в том числе, и

³⁸ Дударев. Ук. соч. С. 77, ср., однако, с. 86, где предлагается датировка 660–640 гг. до н.э.

³⁹ Погребова М.Н. О принципах датировки скифской архаики // РА. 1993. № 2. С. 85.

⁴⁰ Там же. С. 88.

далеко не в малой степени, на находки в Кармир-Блуре, где представлены и те, и другие. На это, кстати, указывает и сама М.Н. Погребова⁴¹. Группа закавказских памятников, одновременная позднеурартским и раннескифским, естественно, датировалась в свое время на основании существовавших тогда представлений о хронологии этих последних. Поскольку гибель Тейшебаани и всего Урарту относили к началу VI в. до н.э., синхронизация с урартскими памятниками означала датировку VII – началом VI в. до н.э. Но если новые исследования собственно урартских материалов дают основания датировать эти события серединой VII в. до н.э., то соответственно должна меняться и дата синхронных с позднеурартскими памятниками закавказских материалов, и уж во всяком случае их невозможно приводить в качестве аргумента против новых датировок урартских памятников. В противном случае мы имеем дело с порочным кругом: закавказские памятники были в свое время датированы на основании синхронизации с урартскими, а эти последние теперь датируются на основании синхронизации с закавказскими⁴². Замечу, кстати, что то же касается и раннескифских памятников, датировка которых отчасти опиралась на те же урартские материалы, в особенности на находки в Кармир-Блуре.

Фактом остается то, что на территории Малой Азии известны как погребальные комплексы, так и отдельные находки, принадлежащие к раннескифской археологической культуре (наличие в некоторых комплексах, наряду с «раннескифскими», и инокультурных элементов, положения не меняет), причем значительная их часть датируется первой половиной – серединой VII в. до н.э. Материальные остатки иных степных культур на этой территории в VII в. до н.э. отсутствуют. В то же время письменные источники сообщают о присутствии в Малой Азии в это время киммерийцев (Gimiggaia); напротив, присутствие другой группы степняков, известной по клинописным текстам, скифов (Iškuzāia), на этой территории по крайней мере в течение трех первых четвертей VII в. до н.э. никакими источниками не подтверждается. Iškuzāia упоминаются в аккадских текстах достаточно часто, но всегда локализируются на территориях к востоку от Ассирии. Если подойти к этим фактам непредвзято, то выводы, на мой взгляд, напрашиваются сами собой. «Раннескифские» памятники Малой Азии, относящиеся к первым трем четвертям VII в. до н.э., оставлены единственными кочевниками, присутствие которых засвидетельствовано здесь в это время, а именно Gimiggaia аккадских текстов; этот народ, следовательно, был носителем раннескифской археологической культуры. Начало раннескифской культуры в целом не может датироваться позже, чем отдельные памятники этой культуры, находящиеся к тому же вне основного ареала ее распространения. Следовательно, в первой половине VII в. до н.э. эта культура уже существовала.

Такое решение представляется наиболее логичным и простым; для того, чтобы его отвергнуть, приходится прибегать к различным уловкам и натяжкам. Так, М.Н. Погребова, Д.С. Раевский и И.В. Яценко⁴³, ставя под сомнение отождествление «раннескифских» памятников Малой Азии с историческими киммерийцами, ссылаются на невозможность разграничить киммерийцев и скифов в восточных текстах. Они полагают, следовательно, что, вопреки недвусмысленным указаниям разных источников (не только клинописных, но и античных), скифы присутствовали в Малой Азии еще в первой половине VII в. до н.э. и именно они оставили на этой территории «раннескифские» памятники (в противном случае их возражение перестает быть таковым). Для этого им приходится предполагать, что тексты имеют в виду вовсе не то, что в них написано, и, говоря о киммерийцах, подразумевают реальных скифов или киммерийцев и скифов вместе (речь здесь должна идти не только о клинописных, но и античных текстах, что, кажется, не вполне осознается сторонниками этой точки

⁴¹ Там же. С. 85.

⁴² Я уже имел случай кратко упомянуть об этом (*Иванчик*. Ук. соч. I. С. 165), однако вынужден здесь изложить свои возражения более развернуто, поскольку легитимность этого рассуждения отстаетается и в работе: *Погребова, Раевский, Яценко*. Ук. соч. С. 85.

⁴³ *Погребова, Раевский, Яценко*. Ук. соч. С. 84.

зрения). Однако, если исходить из такой презумпции, обсуждение киммерийской проблемы теряет всякий смысл. В самом деле, если мы не знаем, имеют ли в виду киммерийцев наши источники, когда говорят о них, то приходится отказаться от всяких суждений о киммерийцах и от попыток отграничить их от скифов. В таком случае киммерийская проблема получает простое, хотя и весьма неутешительное решение: кроме близости киммерийцев к скифам, оказывается, что о них ничего невозможно сказать с уверенностью. Правда, неясно в этом случае, чем можно обосновать принадлежность киммерийцам предскифских археологических культур, а также остается без объяснения и тот факт, почему в Малой Азии сохранились материальные остатки одних лишь скифов, но не киммерийцев.

К счастью, ситуация не столь безнадежна. Я уже говорил о необоснованности утверждения о неразличимости киммерийцев и скифов в письменных источниках. В действительности ассирийские тексты (как и большинство античных источников) достаточно последовательно разграничивают две группы. Собственно, только это позволяет и современным исследователям различать киммерийцев и скифов и всерьез обсуждать киммерийскую проблему, в том числе и ставить вопрос об археологической культуре киммерийцев. В целом, мне кажется, точка зрения, согласно которой киммерийцы в период своих вторжений в Переднюю Азию были носителями «ранне-скифской» археологической культуры, остается наиболее обоснованной. К той же культуре, очевидно, принадлежали и исторические скифы. Речь идет о двух группах, которые были весьма близки между собой с культурной, а также, вероятно, языковой и этнической точки зрения, но все же достаточно четко различались. Эти различия, однако, нам удастся установить лишь благодаря письменным источникам. Различия в материальной культуре двух этнических групп, если они были, весьма трудно уловимы, а отдельные нетипичные черты памятников, оставленных киммерийцами в Малой Азии, могут иметь разные объяснения.

А.И. Иванчик

THE MODERN STATE OF THE CIMMERIAN PROBLEM.

SUMMARIZING THE DISCUSSION

A.I. Ivantchik

The article sums up the discussion «Cimmerians: Problems of Historical and Cultural Interpretation» and reviews the main results so far achieved in the study of the three main aspects of the problem: analysis of oriental cuneiform sources, classical texts and archaeological monuments. The most disputable aspect is still the archaeological one. The author believes that for the time being strong arguments support the view that in the period of their invasions to the Near East Cimmerians belonged to the Early Scythian archaeological culture, as well as the Scythians. Both groups were very close to each other from the cultural and, as it seems, linguistic and ethnical point of view, but did have some distinct differences. However, these differences, definitely attested in written sources, can not to be clearly observed in archaeological monuments.